

Серарим Введенский

ВОЗДУШНЫЙ ОВРАГ

ВАЛЕРА

Бесхребетная жидкость Валера
в параллельном миру, словно камень.
Жадно ест по утрам ноосферу
и ломает пространство руками.

По асфальту он ползает брассом,
тайно ходит по крышам сознаний,
чтобы выпить духовного квасу
на углу внутривенных исканий.

Потолки облетают, как листья.
Рвется жизнь на куски, как папирус.
Наш Валера вгрызается в лица,
словно долг он заносит к нам вирус.

Равнодушной секирой прохлады
червякам объявляет вендетту.
И поет в тишине он рулады.
По окну растекается лето.

Завернув, будто свиток, всю эру
он кладет все в пакет мишек Гамми.
Бесхребетная жидкость Валера
в параллельном миру, точно камень.

НАТЮРМОРТ

Народный депутат пришел в гости к народному артисту.
Сели трапезничать в гостиной.
В гостиной было светло, просторно и чисто,
мебель из красного дерева, камин, два торшера, картины.

Домработница подала на стол скромные яства:
blanket из телятины, консоме, терин, заливное из осетрины
на золотом подносе тридевятого царства.
На десерт фаршированные малиновой икрой мандарины.

После трапезы сомелье преподнес с вином бархатистым
сыр с голубой плесенью небосвода.
Народный депутат в гостях у народного артиста
были так далеки от народа.

А где-то за МКАДом, не доезжая пятнадцати верст до Тулы,
в хибарке, сидит народный поэт на табуретке.
От новорожденных рифм ему адски сводит скулы,
но он продолжает есть жадно лапшу со вкусом креветки.

ЧЕРНАЯ КЛЯКСА

В Арктике,
на Северном полюсе,
среди бесконечных льдин
и бесконечно белого,
белого,
белого цвета
живет черной кляксой
одинокий пингвин.
И не может понять,
где зима,
а где лето.

Бог не помнит о нем,
навсегда позабыл.
Лишь медведю нужна его жизнь —
самый лакомый ужин.
Тут читатель воскликнет: «Да бред!»
Я отвечу: «Нет, был!»
Ведь пингвин наблюдает себя
в отражении лужи.

Он катается с горок,
рассекая округу
редким криком:
«И-ха!»
И по Арктике ходит себе,
проторя
по-новой дорогу.
Он живет черной кляксой
в контексте стиха
абсолютно не нужный ни мне,
ни тебе
и ни Богу.

Ему бы собрать в узелок
все пожитки с тряпьем,
да рвануть бы на льдине
на Южный.
Только жизнь
в лед вонзилась копьём,
только там,
как и здесь,
никому он не нужен.

ДАО ДЭ БОВАРИ

Жена дочитывала роман Флобера «Госпожа Бовари»
и кутала мысли в слова.

Семейный бюджет стал делиться на три,
а недавно делился на два.

Я перечитывал «Дао дэ цзин»,
пытаясь постичь непостижимое через у-вэй.
Жена говорит: «Давай сходим на выставку картин?»
Я говорю: «А чем тебе “Азбука вкуса” не музей?!»

В кровати ворочался блаженно наш сын
и, подойдя, я воскликнул: «Смотри,
я никогда не был адептом генных доктрин,
но у него также две ноздри!»

Затем я ушел на кухню готовить Фо Бо —
эхо совместного путешествия во Вьетнам.
А по небу-потолку бегал Бог,
и, будто раненный партизан по земле, карабкалась весна.

На синей простыне носилось солнце-растан,
поедая звезды и кусая до крови небосклон.
Оптимисты и пессимисты продолжают спорить,
как заполнен стакан,
а я рад тому, что хоть что-то налито в нем.